

DOI 10.31483/r-154724

*Кугай Александр Иванович***РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ИЗОБИЛИЯ**

Аннотация: в главе исследуется трансформация педагогических подходов в условиях цифрового информационного изобилия. Автор обосновывает необходимость перехода от классической образовательной парадигмы накопления знаний к стратегии формирования «когнитивного иммунитета». Опираясь на концепцию симулякров Ж. Бодрийяра, теорию двух систем мышления Д. Канемана и методологические стандарты Р. Пола и Л. Элдер, в работе предлагается инструментарий «интеллектуального сопротивления» алгоритмическим искажениям. Особое внимание уделяется четырехэтапной модели Д. Халперн и внедрению практик «медленного чтения» и «зон интеллектуального дискомфорта» как способов преодоления фрагментарности сознания и возвращения субъектности обучающегося в эпоху гиперреальности.

Ключевые слова: критическое мышление, информационное изобилия, педагогическая стратегия, симулякр, система 1, система 2, когнитивные искажения, интеллектуальные стандарты, медиаграмотность, эхо-камеры, когнитивный иммунитет.

Abstract: this chapter explores the transformation of pedagogical approaches in the context of digital information abundance. The author substantiates the need to shift from the classical educational paradigm of knowledge accumulation to a strategy of developing «cognitive immunity». Drawing on J. Baudrillard's concept of simulacra, D. Kahneman's theory of two systems of thinking, and the methodological standards of R. Paul and L. Elder; the paper proposes a toolkit for «intellectual resistance» to algorithmic distortions. Particular attention is paid to D. Halpern's four-stage model and the implementation of «slow reading» and «zones of intellectual discomfort» practices as ways to overcome fragmentation of consciousness and restore learner agency in the age of hyperreality.

Keywords: *Critical thinking, information abundance, pedagogical strategy, simulacrum, System 1, System 2, cognitive biases, intellectual standards, media literacy, echo chambers, cognitive immunity.*

Введение.

Современная цивилизация совершила стремительный переход от дефицита информации к её агрессивному избытку, превратив познавательный процесс в навигацию по «океану симулякров». Как отмечал Жан Бодрийяр в своей работе «Симулякры и симуляция», в эпоху гиперреальности, паноптических технологий [3] знаки и образы утрачивают связь с подлинными объектами, заменяя собой саму реальность [1]. В условиях цифрового изобилия человеческий мозг, эволюционно настроенный на экономию когнитивных ресурсов, всё чаще выбирает путь наименьшего сопротивления. Даниэль Канеман описывает этот механизм как доминирование «Системы 1» – быстрого, автоматического, но склонного к когнитивным искажениям мышления, которое пасует перед необходимостью глубокого анализа сложных структур [2].

Следствием этого становится потребление упрощенных смыслов и жизнь в границах алгоритмических «эхо-камер», где критическая дистанция между субъектом и информацией размывается. В этой связи критическое мышление перестает быть сугубо академическим навыком формальной логики; оно трансформируется в базовую психологическую стратегию выживания личности, выступая своего рода «когнитивным иммунитетом» против манипуляций, фейков и интеллектуальной энтропии.

Методологический фундамент такой защиты заложила Дайана Халперн, определившая критическое мышление как использование когнитивных навыков, увеличивающих вероятность получения желаемого результата [8]. Педагогическая задача в этой системе координат смещается с трансляции готовых ответов на воспитание субъектности – способности обучающегося сохранять автономность сознания. Для реализации этой задачи наиболее эффективным представляется внедрение универсальных интеллектуальных стандартов Ричарда Пола и

Линды Элдер: ясности, точности, логичности и широты взглядов [7]. Только через дисциплинированное применение этих стандартов возможно превращение образовательного процесса из пассивного потребления контента в активное конструирование обоснованного знания в условиях тотального информационного шума.

I. Методологический фундамент: от «знания» к «фильтрации».

Смена парадигмы: от аккумуляции к селекции. Классическая педагогическая модель веками строилась на концепции накопления: образованность определялась объемом усвоенных фактов и широтой эрудиции. Однако в эпоху информационного изобилия сама категория «знания» претерпевает деформацию. Сегодня ценностью обладает не владение информацией, а способность к её верификации и иерархизации. Происходит переход от линейного накопления данных к психологии выбора и оценки. Как отмечают лидеры движения за критическое мышление Ричард Пол и Линда Элдер, в современной среде «знать» означает обладать интеллектуальными стандартами, позволяющими отсеивать релевантное от случайного, а доказанное – от симулятивного. Педагогическая стратегия, таким образом, превращается из трансляции контента в обучение навигации.

Психологический аспект: когнитивная скупость и ловушки восприятия.

Центральным препятствием на пути к автономному мышлению является биологически обусловленная «ленивость» мозга. Даниэль Канеман объясняет это доминированием Системы 1, которая стремится минимизировать энергетические затраты, подменяя сложный анализ интуитивными догадками. В цифровой среде эта когнитивная экономия становится фатальной, так как алгоритмы соцсетей эксплуатируют наши врожденные уязвимости – когнитивные искажения.

Среди них наиболее деструктивны для процесса обучения:

–*эффект подтверждения (Confirmation Bias)*: склонность человека искать, интерпретировать и отдавать предпочтение той информации, которая согласуется с его точкой зрения. В эпоху «пузырей фильтров» это искажение превращает поиск знаний в бесконечное самоподтверждение, исключая столкновение с альтернативными позициями;

– *предвзятость доступности*: мозг оценивает значимость события по тому, насколько легко примеры всплывают в памяти. Агрессивный новостной фон создает ложную картину реальности, где шокирующий симулякр кажется более «правдивым», чем статистически выверенный факт.

Таким образом, методологический фундамент новой педагогики должен опираться на понимание этих ограничений. Критическое мышление здесь выступает не как естественное состояние, а как осознанное усилие по преодолению собственной «когнитивной предвзятости». Развитие критического аппарата – это, прежде всего, работа по деконструкции собственных автоматизмов в восприятии информации.

II. Антропологический риск: «цифровое слабоумие» и атрофия интеллектуальной воли.

Переход к информационному изобилию повлек за собой не только изменение внешней среды, но и глубокую трансформацию антропологического типа обучающегося. Если Жан Бодрийяр описывал симуляцию как внешнюю экспансию знаков, то современные когнитивные исследования фиксируют процесс «интернализации симулякра» – когда мозг начинает функционировать по законам упрощенного цифрового интерфейса. Этот феномен немецкий нейробиолог Манфред Шпитцер определил термином «цифровое слабоумие» (digital dementia) [9].

1. Биологический фундамент когнитивной лени.

Шпитцер доказывает, что передача ментальных функций внешним цифровым носителям (навигаторам, поисковикам, облачным хранилищам) ведет к физиологическим изменениям в структуре мозга. Память и ориентация в пространстве напрямую связаны с состоянием гиппокампа; когда мы делегируем поиск пути GPS-сервису, нейронные сети, отвечающие за навигацию, начинают деградировать. В контексте педагогики это означает, что «ленивая» Система 1 Даниэля Канемана получает абсолютное доминирование. Мозг, стремясь к максимальной экономии энергии, атрофирует способность к глубокому анализу, так как внешняя среда (интернет) предлагает готовый суррогат ответа быстрее, чем включится осознанная Система 2.

2. Интеллектуальная фрагментация и «эффект мелководья».

Публицист Николас Карр в своей работе «Пустышка. Что интернет делает с нашими мозгами» убедительно показывает, что сама архитектура Сети навязывает нам режим «поверхностного сканирования». Постоянное переключение внимания (мультизадачность) и гипертекстуальность разрушают способность к линейному мышлению.

Современный обучающийся сталкивается с неспособностью удерживать сложную логическую цепочку, выходящую за пределы краткого поста в соцсетях. Происходит «атрофия интеллектуальной воли»: субъект теряет навык волевого усилия, необходимого для освоения лонгридов или многоуровневых философских концепций.

Педагогические последствия: утрата понятийного мышления.

В условиях, когда «карта предшествует территории», обучение превращается в навигацию по ссылкам, а не в конструирование смыслов. Фрагментарность сознания делает обучающегося уязвимым для манипуляций: не имея целостной картины мира, он воспринимает каждый новый информационный вброс как изолированный факт, не умея соотнести его с историческим или логическим контекстом.

Таким образом, развитие критического мышления сегодня должно рассматриваться не просто как «soft skill» (гибкие навыки), а как антропологическая практика сохранения человеческого в человеке. Это борьба за восстановление связей в гиппокампе и реабилитацию глубокого внимания. Без осознанного сопротивления «цифровому слабоумию» педагогика рискует превратиться в обслуживание интеллектуально пассивных потребителей, чьи когнитивные горизонты ограничены алгоритмической выдачей первой страницы поисковика.

III. Кейс-стади: анатомия «галлюцинации» реальности в эпоху нейросетей.

Для демонстрации работы механизмов критического мышления рассмотрим виральный инцидент марта 2023 года: публикацию серии гиперреалистичных изображений «ареста» Дональда Трампа, созданных нейросетью Midjourney. Эти

кадры за считанные часы облетели мировые СМИ и соцсети, вызвав шквал полярных реакций. Разберем этот феномен через призму ключевых теоретических концепций нашей статьи.

Шаг 1. Жан Бодрийяр: Торжество симулякра третьего порядка [1].

С точки зрения Жана Бодрийяра, данные изображения являются «чистыми симулякрами». Это не просто «подделка» под реальное событие – это создание события, которого не существует.

В эпоху гиперреальности образ перестает соотноситься с оригиналом.

Фотография ареста – это знак, который больше не нуждается в факте самого ареста. Публика верит изображению не потому, что доверяет источнику, а потому, что образ идеально вписывается в «ожидаемую модель» реальности. Симулякр здесь становится «реальнее реального», подменяя собой новостную повестку и заставляя политиков давать комментарии по поводу несуществующего инцидента.

Шаг 2. Даниэль Канеман: Эксплуатация «Системы 1» [2].

Почему миллионы людей, включая профессиональных журналистов, мгновенно поверили в подлинность кадров? Здесь вступает в силу биологическая уязвимость, описанная Даниэлем Канеманом.

Когнитивный захват: Изображения были сконструированы так, чтобы вызвать мощный эмоциональный отклик (шок, торжество или гнев). Эмоция – это топливо для «Системы 1». Мозг мгновенно принимает решение о подлинности на основе «когнитивной легкости»: образ яркий, детальный и подтверждает существующие ожидания. «Система 2» (аналитическая) просто не успевает включиться, так как проверка метаданных или поиск официальных подтверждений требует значительных энергетических затрат, от которых мозг эволюционно старается уклониться.

Шаг 3. Ричард Пол: Деконструкция через интеллектуальные стандарты [7].

Если бы пользователь применил методику Сократовского вопрошания [6] иллюзия рассыпалась бы на этапе первого вопроса:

Точность (Accuracy): Есть ли подтверждение от независимых информационных агентств?

Логичность: Совпадают ли детали на разных «фотографиях»? (При внимательном осмотре у Трампа на сгенерированных кадрах было три ноги или искаженные пальцы – дефекты ранних версий нейросетей).

Цель: Какова цель создателя этого контента? Исходный автор (Элиот Хиггинс) заявил, что это был эксперимент, но в руках манипуляторов эти кадры стали инструментом дестабилизации.

Применение стандартов Пола переводит восприятие из плоскости «верю/не верю» в плоскость доказательного анализа.

Шаг 4. Дайана Халперн: Метапознание как «предохранитель» [8]

Финальный фильтр – это самопроверка по Халперн. Критически мыслящий субъект должен задать себе вопрос: *«Почему я так легко поверил в это? Не является ли моя радость (или возмущение) следствием моей предвзятости подтверждения?»*. Способность отследить собственный эмоциональный триггер и осознать, что изображение является «галлюцинацией» алгоритма, – это и есть проявление метапознания.

Таким образом Кейс с нейросетевым «арестом» доказывает, что в условиях технического совершенства симулякров классическая вера «своим глазам» становится опасным анахронизмом. Педагогическая задача сегодня – научить студента видеть в ярком пиксельном образе не «факт», а сложную конструкцию, требующую немедленной деконструкции.

IV. Технологии «сопротивления» в цифровой среде.

1. Деконструкция информации и субъектность.

В условиях информационного переизбытка образовательный процесс должен быть переориентирован с накопления данных на их деконструкцию. Если классическое обучение отвечало на вопрос «Что мы знаем?», то современная педагогическая стратегия сопротивления фокусируется на вопросе «Как и почему это было создано?». Ключевым инструментом здесь выступает возвращение обучающемуся субъектности через два мощных методических блока.

Сократовское вопрошание в цифровом контексте: от «что» к «как»

Традиционный метод сократовского диалога в интерпретации Ричарда Пола адаптируется под реалии медиапотребления. Это не просто беседа, а строгая система интеллектуальных фильтров. Педагог внедряет в практику обучения «чек-лист критического исследователя», который включает:

Анализ цели: Какую реакцию (гнев, страх, попку) должен вызвать данный контент?

Вскрытие допущений: На каких невысказанных предпосылках строится аргументация автора? Что он принимает за истину без доказательств?

Поиск логических следствий: Если мы примем этот тезис как верный, к каким выводам это приведет через шаг? Не противоречит ли это базовой логике?

Цель этого инструмента – переключить мозг из режима автоматического доверия («Система 1» по Канеману) в режим осознанного анализа («Система 2»). Педагог здесь выступает не как цензор, а как модератор поиска, обучая студента не «правильным ответам», а «правильным вопросам», которые разрушают магию симулякра.

Фактчекинг как упражнение на когнитивную эмпатию

Мы предлагаем расширить понимание фактчекинга: это не только техническая сверка цифр и дат, но и глубокое психологическое упражнение. Мы рассматриваем его как развитие *когнитивной эмпатии* – способности понять логику и намерения «другого» (автора или алгоритма), не разделяя их.

Методика включает работу с кейсами по следующему алгоритму:

Поиск «эмоциональных крючков»: Студент должен идентифицировать слова-триггеры и визуальные образы, направленные на отключение рационального фильтра.

Реконструкция мотивации: Ответ на вопрос «Зачем автору нужно, чтобы я в это поверил?». Это позволяет увидеть за текстом не истину, а чью-то волю или экономический интерес.

Создание «дистанции безопасности»: Осознание механизмов манипуляции создает необходимую паузу между получением информации (стимулом) и формированием убеждения (реакцией).

В конечном итоге, фактчекинг становится не скучной проверкой сносок, а азартным исследованием чужой стратегии. Это превращает ученика из пассивного потребителя «гиперреальности» в активного аналитика, способного сохранять автономность сознания даже под мощным давлением информационного шума.

Субъектность в цифровую эпоху – это право на сомнение, возведенное в ранг профессионального навыка.

2. Модель Дайаны Халперн: четырехэтапная стратегия формирования ментальной устойчивости.

Если стандарты Пола и Элдер задают вектор, то четырехэтапная модель Дайаны Халперн предлагает конкретную «дорожную карту» педагогического воздействия. Она позволяет перевести критическое мышление из разряда абстрактных пожеланий в плоскость измеряемых образовательных результатов.

1. Когнитивный базис: Овладение операциональными навыками.

Первый этап – это инвентаризация интеллектуального инструментария. Здесь педагогическая стратегия фокусируется на *анализе аргументации*: умении выделять посылки, обнаруживать скрытые выводы и оценивать релевантность доказательств. Обучающийся учится препарировать информационный блок, отделяя фактологический скелет от «эмоционального мяса» и риторических уловок. Без этого фундамента любая попытка критического анализа превращается в безосновательный спор.

2. Формирование диспозиции: Борьба с «когнитивной ленью».

Халперн подчеркивает: наличия навыков недостаточно, если нет *готовности их применять*. На этом этапе педагог работает с установками личности. Основная задача – преодолеть естественное стремление мозга доверять «Системе 1» (по Канеману). Развитие диспозиции – это воспитание интеллектуальной

настойчивости, готовности планировать свои действия и, что важнее всего, привычки делать паузу перед тем, как принять информацию на веру. Это переход от реактивного потребления к проактивному анализу.

3. Технология переноса: из аудитории в цифровую среду.

Критическое мышление часто остается «кабинетным» навыком: студент блестяще анализирует текст Платона, но незащищен перед манипулятивным постом в Telegram или TikTok. Третий этап модели Халперн – *отработка переноса*. Педагогическая задача здесь состоит в намеренном использовании «неучебных» контекстов. Логические законы и методы верификации должны применяться к рекламным слоганам, политическим мемам и алгоритмическим лентам. Только так навык становится живым инструментом выживания в информационном шуме.

4. Метапознание: мониторинг собственного сознания.

Высшая точка модели – *метапознание*, или мышление о мышлении. Студент учится задавать себе неудобные вопросы: «*Почему я хочу в это верить?*», «*Какие мои личные предубеждения заставляют меня игнорировать этот факт?*», «*Не нахожусь ли я сейчас под влиянием эффекта подтверждения?*». Такая самопроверка позволяет обнаружить внутренние «бреши» в защите, через которые проникают симулякры. Метапознание превращает человека из потребителя контента в суверена своего интеллектуального пространства.

Таким образом, *по Халперн, критическое мышление – это не поиск ошибок в чужих текстах, а постоянная гигиена собственного сознания. Это признание того, что наш мозг несовершенен, но у нас есть инструменты, чтобы это исправить*».

3. Разрушение мифов: иллюзия «информационной доступности».

В цифровую эпоху классическое представление о библиотеке как о хранилище объективных знаний подменяется динамическим интерфейсом, который создает опасную иллюзию интеллектуальной автономности. Мы должны признать: современный пользователь не ищет истину, он потребляет результат работы алгоритма, маскирующийся под его собственный выбор.

Ловушка «Google-эффекта» и интеллектуальная хрупкость

Феномен, известный как «Google-эффект» (или цифровая амнезия), радикально меняет архитектуру нашей памяти. Мозг, эволюционно настроенный на оптимизацию ресурсов, перестает интегрировать информацию в долговременную память, если осознает её мгновенную доступность в сети.

Следствие: Мы подменяем глубокое понимание знанием того, «где найти». Это ведет к интеллектуальной хрупкости: без подключения к сети современный человек обнаруживает концептуальную пустоту там, где раньше находился его когнитивный базис. Информация, не прошедшая через труд «добывания» и осмысления, не становится частью личности, оставаясь внешним симулякром знания.

Анатомия «эхо-камер» и алгоритмический детерминизм

Миф о том, что «просто гуглить» – это путь к объективности, разбивается об алгоритмическую архитектуру платформ. Поисковые системы и ленты соцсетей не являются нейтральными проводниками; они выступают в роли *алгоритмических цензоров*, выстраивающих вокруг пользователя «эхо-камеры». Алгоритм анализирует ваши прошлые клики, симпатии и предубеждения, выдавая в ответ контент, который максимально соответствует вашим ожиданиям. В результате поиск информации превращается в бесконечное подтверждение собственной правоты.

Поисковик – это не окно в мир, а *цифровое зеркало*. Согласно концепции Жана Бодрийяра, это «симуляция объективности»: мы уверены, что исследуем реальность, хотя на самом деле блуждаем внутри идеально подогнанного под нас медиа-пузыря.

Задача современного педагога – научить студента «взламывать» собственную эхо-камеру. Это требует перехода от доверия поисковым алгоритмам к намеренному поиску альтернативных, дискомфортных и противоречивых источников. Разрушение иллюзии доступности – это первый шаг к возвращению подлинного стремления к познанию, которое всегда требует интеллектуального усилия, а не простого нажатия клавиши.

Алгоритм – это идеальный официант, который приносит вам только то, что вы уже любите. Критическое мышление – это способность встать из-за стола и заглянуть на кухню, где готовится эта реальность.

V. Интеллектуальный вызов и этика мышления.

1. Создание «зон интеллектуального дискомфорта».

Завершающим этапом формирования когнитивного иммунитета является преднамеренный выход за пределы «цифрового кокона». В эпоху, когда алгоритмы стремятся максимально упростить и сгладить наш интеллектуальный путь, роль педагога заключается в создании контролируемых зон дискомфорта, которые заставляют мозг включать энергозатратные механизмы анализа.

Столкновение с инаковостью: преодоление «пузырей фильтров».

Методика намеренного включения в учебный план источников, радикально противоречащих привычной картине мира обучающихся, – это прямая атака на «эффект подтверждения» [5].

Механика: Студентам предлагается деконструировать аргументацию позиции, которая им органически неприятна или кажется заведомо ложной.

Цель: Не «переубедить», а научить видеть логическую структуру чужого убеждения. Это разрушает симулякр «враждебного и непонятного другого», превращая эмоциональное отторжение в интеллектуальную задачу. Как подчеркивали Пол и Элдер, «широта взглядов» невозможна без опыта соприкосновения с альтернативной логикой.

2. Этика критического мышления: от «интеллектуального превосходства» к смирению.

В педагогической практике часто совершается ошибка: критическое мышление преподается как сугубо технический навык поиска чужих изъянов. Однако Ричард Пол и Линда Элдер подчеркивали, что без этического компонента человек превращается в «слабого критического мыслителя» – софиста, который использует логику и иронию [4] лишь для защиты собственных предубеждений и сокру-

шения оппонентов. В эпоху «информационных войн» и алгоритмической поляризации критическое мышление должно быть переосмыслено как *этическая добродетель*.

Интеллектуальное смирение против догматизма.

Центральным понятием этого раздела выступает «*интеллектуальное смирение*» – осознание естественных пределов собственного познания и чувствительность к своим когнитивным слепым зонам.

Смирение начинается с признания того, что наша «Система 1» неизбежно ошибается. Мы не можем полностью избавиться от предвзятости, но мы можем научиться сомневаться в собственной непогрешимости. Учитель должен транслировать идею о том, что признание ошибки – это не поражение, а когнитивная победа. Это антидот против «эхо-камер», где уверенность в своей правоте доведена до абсолюта.

Интеллектуальное смирение позволяет воспринимать альтернативную точку зрения не как угрозу идентичности, а как необходимую «зону дискомфорта» по Дайане Халперн.

Справедливость и ответственность за истину.

Финальный этический критерий – *справедливость*. Это стремление оценивать все аргументы по одним и тем же стандартам, независимо от личных симпатий. В эпоху информационного изобилия, когда фейк может быть выгодным «своей стороне», этический мыслитель выбирает точность вместо лояльности. Критическое мышление – это не щит для своего эго, а зеркало, в котором мы видим свои искажения. Педагогическая стратегия должна воспитывать «интеллектуальную честность»: способность признать правоту оппонента, если его логика безупречна, а факты верифицируемы.

Таким образом, переход от «инструментария» к «этике» завершает формирование когнитивного иммунитета. Личность, обладающая интеллектуальным смирением, защищена не только от внешней лжи (симулякров), но и от внутреннего догматизма, который является главной преградой на пути к подлинному знанию.

Заключение.

Развитие критического мышления в эпоху информационного изобилия перестает быть факультативной дисциплиной, превращаясь в стратегию когнитивного выживания. В мире, где симулякры Жана Бодрийяра подменяют реальность, а алгоритмические «эхо-камеры» сужают горизонт познания, педагогика призвана стать инструментом освобождения сознания.

Эффективная образовательная стратегия сегодня базируется на синтезе трех фундаментальных направлений.

1. Психологическая гигиена: осознание ограничений человеческого мозга и преодоление «ленивой» Системы 1 Даниэля Канемана через волевое включение аналитического аппарата.

2. Методологическая жесткость: внедрение универсальных стандартов Ричарда Пола и Линды Элдер (ясность, точность, логичность), которые служат фильтром в океане цифрового шума.

3. Технологическая дисциплина: переход к четырехэтапной модели Дайаны Халперн, где навыки анализа аргументации и метапознания становятся автоматической реакцией на любой входящий контент.

Таким образом, современный педагог трансформируется из ретранслятора фактов в архитектора «зон интеллектуального дискомфорта». Его задача – вернуть обучающемуся субъектность, научив его отличать знание от информированности, а поиск истины – от бесконечного самоподтверждения в зеркалах поисковых систем. Только через «медленное чтение» и столкновение с инаковостью возможно воспитание личности, обладающей когнитивным иммунитетом и способной на автономное мышление в условиях тотальной симуляции.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Жан Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. – М.: Рипол-классик, 2015. – 240 с.

2. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро / Даниэль Канеман; пер. с англ. – М.: АСТ, 2021. – 653 с.

3. Кугай А.И. Паноптические технологии и конфиденциальность в современном обществе / А.И. Кугай // Социально-экономические процессы современного общества (к 80-летию Льва Пантелеймоновича Куракова): материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 30 март 2023 г.) / редкол.: Э.В. Фомин [и др.]. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 79–82. EDN OKHSTX

4. Кугай А.И. Юмор в преподавании конфликтологии / А.И. Кугай // Развитие современного образования в контексте педагогической компетенциологии: материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием (Чебоксары, 27 февраля 2023 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]; Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова; Российское общество «Знание». – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 273–276. EDN GJWZPX

5. Кугай А.И. Обучение педагогов методологическим альтернативам и парадигмальным изменениям в европейской образовательной политике / А.И. Кугай // Педагогика, психология, общество: от теории к практике: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары: Среда, 2024. – С. 168–171. EDN ETGНВЕ

6. Кугай А.И. Платон о методе Сократа в обучении философии / А.И. Кугай // Развитие современного образования в контексте педагогической (образовательной) компетенциологии: материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 20 март 2025 г.). – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 236–239. EDN ВКРХНХ

7. Пол Р. Критическое мышление: инструменты для взятия ответственности за свое обучение и свою жизнь / Р. Пол, Л. Элдер. – 2012. – 520 с.

8. Халперн Д. Психология критического мышления / Д. Халперн. – 4-е изд. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.

9. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / Манфред Шпитцер; пер. с нем. А.Г. Гришина. – М.: АСТ, 2014. – 288 с.

Кугай Александр Иванович – д-р филос. наук, профессор, Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Санкт-Петербург, Россия.
